

Кирсанов Андрей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, Московский филиал Высшей школы народных искусств (института)

НАРОДНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА КАК СРЕДСТВО МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

Аннотация. В статье поднята проблема современного общества – экстремизм, понятие которого автор переводит в плоскость культуры, анализируя его проявления в мировоззрении, в художественной сфере, в сфере общественных отношений и материальной культуры. Подчеркивается, что агрессия к другим людям начинается с агрессии к своей собственной традиционной народной культуре, которая у большинства народов изначально родственна. Например, большинство народов Евразии объединяет главный художественный символ – вьющийся растительный орнамент. Традиционные художественные образы и орнаменты в современной социокультурной ситуации могут быть позиционированы как средство кросскультурного диалога.

Ключевые слова: Экстремизм, агрессия, фундаментализм, кросс-культурный диалог, традиционная народная культура, культ предков, орнамент, суфизм.

Kirsanov A.N., PhD, associate Professor, the Moscow branch of the Higher School of Folk Arts (institute)

FOLK ART CULTURE AS A MEANS OF INTERETHNIC COMMUNICATION

Abstract. The article raises the problem of modern society – extremism, the concept of which the author translates into the plane of culture, analyzing its manifestations in the worldview, in the artistic sphere, in the sphere of social relations and material culture. It is emphasized that aggression towards other people begins with aggression towards their own traditional folk culture, which is initially related to most peoples. For example, most of the peoples of Eurasia are united by the main artistic symbol – a winding floral ornament. Traditional artistic images and ornaments in the modern socio-cultural situation can be positioned as a means of cross-cultural dialogue.

Keywords: Extremism, aggression, fundamentalism, cross-cultural dialogue, traditional folk culture, ancestral cult, ornament, Sufism.

Наверное, кто-нибудь ещё помнит советское понятие «дружба народов», благополучно просуществовавшее до начала почти повсеместных межнациональных конфликтов во второй половине 1980-х гг. Казавшаяся неизблемой дружба рассыпалась в прах, видимо, потому, что строилась на вымышленных основах – на отказе каждого из народов от своей исконной архаичной культуры в пользу предлагаемых коммунистических идеалов. На место дружбы (как все-таки искреннего чувства), пришли «мультикультурализм» (в основном в Европе и США) и «толерантность», т.е. всего лишь холодно-рационалистическая терпимость к чужой культуре. А сегодня даже такая малость кажется чрезмерной, и из опасения, что мигранты-гастарбайтеры нас «задавят», все чаще звучат неприятие людей другой веры и культуры и ассимиляторские настроения. Ещё большие опасения вызывают мусульманские фундаменталисты, исламисты и т.п. экстремисты. Но являются ли экстремизм и террористическая активность имманентными свойствами мусульманской религии и традиционных культур восточных народов?

Экстремизм возникает при попытке подчинения природы и самого эволюционного развития частной человеческой воле как насилие и над природой, и над людьми во имя чьих-нибудь фантазий. Более конкретно, насилие над человеческой культурой проявляется как *экстремизм в мировоззрении* (фундаментализм, прогрессизм и т.п. крайности) [8; 9]. Воплощение идеологического *экстремизма в художественной сфере* – это отрицание традиционного народного искусства и противопоставление ему искусства рационалистического – прогрессивного, экологически опасного [6; 12; 16]. Затем следует *экстремизм в сфере общественных отношений* – это различные общественные модернизации, большей частью принудительные, вплоть до геноцидов и прямого терроризма [7]. Наконец, проявляется *экстремизм в сфере материальной культуры* – это модернизация быта, создание искусственной противоестественной окружающей среды [11]. Нетрудно заметить, что 2-я и 4-я сферы взаимно пересекаются – именно искусство служит средством создания искусственной, артифицированной среды. То есть, каково искусство – такова и среда. Аналогично смыкаются 1-я и 3-я сферы: каково мировоззрение, мироощущение людей, таково и их поведение в отношении других людей, таково и общество.

Тем самым, экстремистские взгляды влекут за собой экстремистские преобразования художественности, общества, быта; равно как и сами такие преобразования свидетельствуют об экстремистском мироощущении преобразователей.

Как правило, террорист является либо носителем экстремистской жизнеотрицающей идеологии или ещё и сам одновременно является разрушителем не только человеческих тел, но и обычаев, традиций, художественных произведений, народных художественных промыслов. Отрицание народного искусства, народных художественных промыслов является одним из ярких индикаторов экстремизма.

Экстремизм как установка на насильственную модернизацию чего бы то ни было всеохватен, поскольку направлен против всего живого, народного, традиционного. Человека бесполезно призывать или даже приучать любить людей, если он уже не любит природы, красоты, мирности – самой жизни.

Экстремизм – это болезнь активного забвения народной культурной традиции, это попытка перекроить всё «до основания, а затем...». Такие попытки были в Европе на базе христианства с XIII–XIV вв. и по сей день, – но с точки зрения традиционного христианства они считались ересями. Это рационалистические реформационные учения и движения, постепенно оформившиеся одни как протестантизм, другие как розенкрейцерство [3], третьи как светское атеистическое мировоззрение. Практическими последствиями распространения данного мировоззрения в Европе явились секуляризация и реформация церкви, искусства и образования, общества и «всего этого пространного Мира в целом» [3, с.89].

Среди наиболее красочных проявлений террористичности европейского религиозного экстремизма: религиозные войны XVI–XVII вв., преследования инакомыслящих не столько католической инквизицией, сколько самими протестантами разных направлений – представителей всех других направлений кроме своего, Мюнстерская коммуна, истребление индейцев Северной Америки переселенцами из протестантской части Европы в отличие от сохранения традиционного индейского населения и массового смешения с ним переселенцев-католиков (Латинская Америка). Конечно, со стороны католиков также можно найти немало примеров зверств и жестокостей. Но в протестантском случае жестокость представляет собой не разрушительное кипение страстей, не крайности, а принцип методичного истребления своих противников или хотя бы их традиционной народной культуры. Итоги протестантской «чистки» своей части Европы от всего народного и художественного можно показать на следующем примере: «в западных областях Венгрии, где преобладал католицизм, цикл народных праздников и обрядов был гораздо красочнее и богаче, чем в восточной Венгрии, в которой преобладало протестантское население» [4, с.190.].

Сегодня опасаются мусульманского фундаментализма, экстремизма и терроризма, который в своей сути аналогичен старому европейскому. В отношении определения еретичности мусульманского фундаментализма и экстремизма дело обстоит сложнее, чем в христианской Европе. В мусульманстве в целом еретиками считались только давние предшественники нынешних фундаменталистов, ещё средневековые зиндики. Но, во всяком случае, европейцы, исходя из своего христианского опыта, мусульманских фундаменталистов уже давно называли «пуритане ислама» [1]. Если ортодоксальность или еретичность взглядов и действий в христианстве решалась на церковных соборах с патриархами во главе, то в мусульманстве ничего подобного нет. Церковная иерархия там отсутствует, мусульмане все равны перед Аллахом и вместо разовых соборов всегда составляют единую сумму. Стало быть, традиционность или нетрадиционность какого-либо мусульманского явления решается стихийно-демократически, т.е. сколько рядовых мусульман в данный момент данное мнение разделяют. Так что борьба идёт за умы этих «многих рядовых». Среди части мусульман распространено мнение о том, что исламские фундаменталисты (ваххабиты) – еретики, так как следуют учению не Пророка Магомета, а реформатора XVIII в. Ибн-Абд-аль-Ваххаба, но сами ваххабиты утверждают, что они мусульмане вообще, не какие-то особенные, а, наоборот, самые правильные. Современные традиционные мусульмане (например, в Дагестане) нередко своих же соплеменников-фундаменталистов считают просто ненормальными, психически больными.

До недавнего времени на территории, примерно соответствующей бывшему Советскому Союзу, мусульманских фундаменталистов почти не было, так как исторически на эти территории мусульманство распространялось из Средней Азии в наиболее традиционалистской форме суфизма. У мусульман этих территорий было, по меньшей мере, 800 лет суфийских традиций, составляющих основу именно народного мусульманства. Данная культурная традиция народного мусульманства имела своих местных авторитетов до середины XX в., и только репрессии и воинствующее безбожие советских лет вычистили у местных мусульман всех хранителей их культуры.

В постсоветский период (после снятия «железного занавеса») мусульманская молодёжь с бывших советских территорий едет получать образование в Саудовскую Аравию (где ваххабизм – официальная идеология) и возвращается фундаменталистами, отрицающими все местные народные традиции, в том числе и художественные. Для Аравии требование соблюдения аравийских же древностей хотя бы относительно

традиционно. Но для всех остальных народов создание всемирной аравийской нации равносильно истреблению всех этих народов через ликвидацию их народной традиционной культуры, которая ранее была увенчана мусульманством. Например, очевидцы рассказывали, в каких нарядных разноцветных расписных одеждах вернулись из ссылки в Крым крымские татары, сохранявшие свою традиционную культуру до самого конца XX в.; и вдруг, через несколько лет уже, в Крыму неожиданно «почернели», переодевшись по-арабски, а не по своим традициям. Главный этнограф Татарстана Р.К. Уразманова, обеспокоенная исчезновением татарских народных традиций и вымиранием татарского этноса, на одной из конференций описывала свою двухчасовую беседу с нововыученным в Саудовской Аравии татарским муллой: в течение первого часа он вёл себя буквально как невменяемый, отказываясь слышать, что татарам для жизни необходима своя татарская культура, а не заморская, и лишь к концу беседы начал хоть что-то понимать, благо вразумляла его авторитетнейший учёный.

Другими словами, ещё недавно на большинстве территорий мусульманство существовало в своих локальных народных формах и было одной из самых демократических религий. И только распространение исламского протестантизма стало создавать проблемы, в первую очередь, для самих же мусульман, когда всех мусульман стали уравнивать не в духе, а в материи – как штампованные фабричные изделия. Отсюда следует, что профилактика фундаментализма – это возвращение мусульманским народам того, что было у них насильственно отнято и уничтожено в XX в., т.е. традиционной народной культуры и суфийской образованности. Вообще, возвращение уничтоженной фундаменталистами различных пошибов народной традиционной культуры будет на благо любому народу, который свою культуру сможет восстановить.

Ещё недавно считалось, что народная культура – это глубокая архаика, атавизм на пути к прогрессу. А сегодня постепенно выясняется (медиками, биологами, социологами, культурологами [например:15; 14; 5; 2]), что чем в большем объёме народная культура забыта, преодолена, тем интенсивнее такое общество, такой народ вымирает, депопулирует. Если же дети всё-таки рождаются, значит, кто-то из родственников ещё сохранил остатки народной культуры, хотя на словах может категорически это отрицать: у ныне живых всегда есть свой секрет – они принадлежат или недавно принадлежали какому-то народу, или их предки были хранителями культурных традиций...

Экстремизм и терроризм – симптомы начавшегося вымирания: общество больно, раз порождает людей с разрушенными инстинктами жизни и самосохранения, которые и себя не жалеют, и других способны жизни лишить, потому что в силу каких-либо обстоятельств своей народной традиции и культуры они уже лишены, – лишены как основы жизни, потому и ничьих жизней они не понимают и не ценят. Силы, которые у традиционалистов расходятся на воспроизводство своей культуры, себе подобных и их здоровое воспитание, экстремистом *перенаправляются* на разрушение. Чем недавнее он оторвался от своей культуры, тем больше запаса у него сил, полученных от предков на преумножение жизни. В этом перенаправлении сил и состоит начало болезни. В относительной новизне, недавности этого перенаправления у современных мусульманских народов под влиянием исламского протестантизма (фундаментализма) состоит главное объяснение масштабности нынешнего экстремизма и терроризма.

Несмотря на мусульманскую принадлежность нынешних экстремистов, не стоит забывать, что все фундаментализмы одинаковы и заключаются в отрицании народной культуры, т.е. культуры предков, под вымышленным предлогом возвращения к «истокам», «фундаменту» культуры и религии, понимаемым наиболее поверхностно и примитивно, т.е. в модернизации того и другого [8].

Культуру предков можно также назвать живой или биологической, потому что вместе с генетическим набором культура составляет единое характерное свойство биологического вида *Homo Sapiens*, его видовой атрибут; без культуры особь не может принадлежать своему человеческому виду.

Какой культ одинаков абсолютно у всех народов и почему? Генетики сегодня показали, что всё человечество восходит к единым «Адаму» и «Еве» (Y-хромосомный Адам и митохондриальная Ева), жившим 150–200 тысяч лет назад. За свою историю человечество расселялось и ветвилось на макрогруппы, и вместе с этим культура ветвилась на локальные варианты. Но культ предков и сознание своего человеческого единства в предках и в их культуре сохранялось у всех человеческих потомков как реальная общечеловеческая ценность. В наиболее общих универсальных чертах человеческая культура столь же едина, сколь и само человечество.

Большая часть Евразии является родиной и прародиной индоевропейцев. Поэтому вся эта территория объединяется именно старинной индоевропейской культурой. У неиндоевропейцев на этой территории имеются многочисленные индоевропейские кровные примеси или, по крайней мере, таковые же культурные влияния.

Центральная индоевропейская идея – это представление о бессмертии. Это тот же культ предков, только поднятый на высший уровень. Предки бессмертны непрерывностью рождений своих потомков. Художественным образом и символом этого является Древо Жизни: это одновременно и дерево Рая, и генеалогическое древо, и Мировое Древо, связующее миры. Художественное выражение этой идеи – растительный побег, вьющееся растение с синусоидой в основе структуры орнамента. Синусоида – развёртка кругового движения. Однако в индоевропейском орнаменте синусоида сложена из завитков, чередующихся «вправо – влево». Движение по кругу то вправо, то влево даёт знак бесконечности. И этот растительный побег – развёртка символа бесконечности. Наш материальный мир, по определению, конечен. Об этом сообщает 2-й закон термодинамики. Но именно бесконечность даёт возможность жизни материальных тел и самой Вселенной.

Конкретным растением-прообразом вьющегося орнамента у разных народов может быть хмель, виноград и т.п. ритуальные растения, из которых в разных религиях готовится Напиток Бессмертия. Обряд Причастия – приобщение к Вечности каждого живущего, и синусоидный растительный орнамент является оберегом, т.е. защищает своей христианской Благодатью, иранской Хварной, китайской силой Дэ то, что собой покрывает или прикрывает.

Этот орнамент составляет основу русской Хохломы и встречается в таджикско-узбекской керамике Риштана; объединяет великоустюжскую и кубачинскую (Дагестан) чернь по серебру; покрывает изнутри стены храма Василия Блаженного и старинных мечетей Центральной Азии (вместе с вязью арабских букв), равно как и старых синагог. Он же украшает рукописные и старопечатные книги традиционного русского православия (старообрядчества), равно как и столь же традиционные мусульманские суфийские рукописи и свитки Торы. Присутствует в вологодском кружевоплетении, городецкой корабельной и домовой резьбе, многих других русских народных художественных промыслах, также как и в большинстве народных художеств культуры северной центральной Евразии, оказавшей влияние на большую часть Старого света. В Античности и в Средние века синусоидный орнамент был широко распространён в Западной Европе, а для Индии, Средней Азии, Закавказья и Северного Кавказа (особенно Дагестана) он характерен до сих пор. Именно такую культуру отрицали и разрушали в своё время протестанты Северной Европы и русско-украинские реформаты второй половины XVII в. (в частности, была запрещена и во многих местах уничтожена белокаменная резьба снаружи и роспись этим орнаментом внутри храмов;

в Храме Василия Блаженного этот растительный орнамент по штукатурке в XVIII в. был замазан масляной краской и частично восстановлен лишь советскими реставраторами). Современные мусульманские фундаменталисты борются в первую очередь против традиционной культуры собственных народов, а точнее – против суфизма, а уже потом – против других культур и религий.

В центре Евразии – в Средней Азии и на Среднем Востоке иранской индоевропейской традиции наследовал суфизм. Центральное суфийское понятия бессмертия символически изображалось Птицей Птиц, сидящей на всё том же Райском Древе, к которым устремлены души-птицы всех верующих. Соответственно, птицы среди вьющихся ветвей – один из самых частых мотивов восточного орнамента. Но этот же мотив – самый частый и в таких русских народных художественных промыслах как Хохлома, Городец, Северодвинские росписи. Русскую Хохлому любили и любят до сих пор таджики и другие среднеазиаты. Единству этого главного русского (вьющегося) орнамента в большинстве русских народных промыслов было посвящено наше специальное исследование [10]. На единство русских художественных образов с суфийскими также уже обращалось внимание [13].

Классическими произведениями о главном народном мусульmano-суфийском герое Ходже Насреддине являются две повести русского писателя Леонида Соловьёва – ещё один яркий пример диалога и переключки русской и мусульманской культур.

Устный фольклор многих народов Евразии демонстрирует не меньшее единство, чем фольклор материальный. Образы и сюжеты большинства народных сказок по всему континенту очень часто одни и те же. Например, я сам в детстве слушал и читал попеременно сборники русских народных и азербайджанских народных сказок, и азербайджанские, как более длинные и подробные, представлялись мне даже более русскими. Разница была лишь в деталях: многоглавые дивы вместо змея-горыныча, Бахтияр вместо Ивана, сын от третьей младшей жены падишаха вместо третьего младшего сына князя или царя... Точно также нашего главного богатыря при дворе Киевского князя Илью Муромца в Средней Азии знают как Рустама при дворе иранского шаха Кей Кавуса... И лишь отсутствие у нас реального тесного общения со среднеазиатами и кавказцами и презрительное отношение к ним как к «понаехавшим» мигрантам приводит к эффекту «своя своих не познаша». Хотя, заметим, у многих из нас наши собственные предки в своё время тоже приехали в российские мегаполисы из ближних и дальних русских деревень и презрительно именовались «лимитчиками». И ещё вопрос, какие из «выходцев из народа» и с традиционной периферии лучше

сохранили свою (а по глубинной сути – общую центрально-евразийскую) народную художественную культуру? Совсем недавно с удивлением узнал, что грузино-армянин Булат Окуджава как само собой разумеющееся называл главный этнос нашей страны «русаками», каким в действительности и было наше реальное самоназвание (согласно хотя бы словарю В.И. Даля, – т.4 статья «Русак»). Но наши «русские патриоты» этого не знают уже давно и обычно используют вымышленные неоязыческие прозвища.

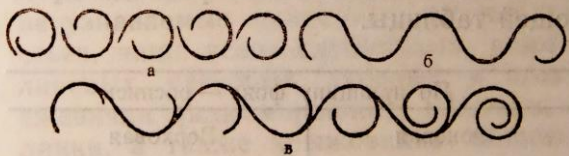
На языке общих традиционных культурных ценностей, художественных образов и орнамента легко находится общий язык с различными народами, сохранившими свою традиционную культуру. Напротив, утрата традиционной культуры, забытие старинных образов и орнаментов ведёт и к потере общего языка – средства общения.

Таким образом, профилактика мусульманского экстремизма и фундаментализма – не в замене его на другие фундаментализмы (реформационно-христианские или светско-атеистические), а в развитии традиционных народных художественных культур и естественного диалога между ними.

Литература

1. Васильев А.М. Пуритане ислама? Ваххабизм и первое государство Саудидов в Аравии (1744/45-1818). – М.: Наука, 1967. – 264 с.
2. Генисаретский О.И. Этничность между этнополитикой и этнокультурой // Аудиовизуальная антропология: теория и практика: Сб.ст. Межд. науч.-практ. конф. в рамках 4-го Московск. фестиваля визуальной антропологии "Камера-посредник", Москва, 7-8 окт. 2008 г. – М.: ТЭИС, 2008. – С.9-30.
3. Йейтс Ф. Розенкрейцерское Просвещение. – М.: Алетейа, Энигма, 1999. – 496 с.: ил.
4. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы (конец XIX – начало XX в.). Весенние праздники. – М.: Наука, 1977. – 358 с.
5. Карлсон А. Общество – Семья – Личность: Социальный кризис Америки. Американская школа альтернативной социологии / Пер. с англ. под. ред. проф. А.И.Антонова. – М.: Грааль, 2003. – 288 с.
6. Кирсанов А.Н. Два искусства (К вопросу о соотношении народного и профессионального искусства) // Россия: идеи и люди: Сб. науч. трудов. Вып. IV. – М.: МПУ "СигналЪ", 1999. – С.249-257.
7. Кирсанов А.Н. Общественный прогресс в свете новых научных открытий // Актуальные проблемы современной социологии и политологии / Под. общ. ред. Л.Н. Панковой. – М.: КДУ, 2006. – С.141-160.

8. Кирсанов А.Н. Проблема фундаментализма в исламе и христианстве // Мат-лы междунар. науч. конф. (Экономический ф-т МСХА им. К.А. Тимирязева, декабрь 2001 г.): Сб. науч. трудов. Вып. 8. – М.: МСХА, 2002. – С.137-139.
9. Кирсанов А.Н. Прогрессивное и эволюционное в религиозном развитии индоевропейцев // Университетские чтения: Сб. ст. Вып.11. – М.: МАКС Пресс, 2006. – С. 53-55.
10. Кирсанов А.Н., Кирсанова С.А. Сколько лет Хохломе? Типология и история Хохломской росписи. – М.: МСХА, 1998. – 56 с.
11. Кирсанова С.А. Социокультурные условия развития ребенка в современном сверхкрупном городе // Экономико-правовые и социально-культурные проблемы развития города: Сб. науч. трудов: В 2 т. – Т.1. История. Культурология. Философия. – М.: Экслибрис-Пресс, 2009. – С.170-197.
12. Кирсанова С.А. Экологические проблемы урбанизированной аудио-визуальной (информационной) среды // Гуманитарные и социально-экономические науки в XXI веке: Сб. науч. трудов. – М.: МГАКХиС, 2010. – С.92-106.
13. Кирсанова С.А., Яндаров А.Д. Русский суфизм (Старообрядчество в мировом конфессиональном контексте) // Старообрядчество: история, культура, современность: Мат-лы VII междунар. юбилейной науч.-практ. конф.: В 2-х т. – М.: Принтер, 2005. – Т. 2. – С.62-69.
14. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Лоренц К. Обратная сторона зеркала: Сб. / Пер. с нем. А.И. Федорова, Г.Ф. Швейника; Под ред. А.В. Гладкого; Сост. А.В. Гладкого, А.И. Федорова; Послесловие А.И. Федорова. — М.: Республика, 1998. – С. 2-37.
15. Слэзин В.Б. Геноцид белой расы. – М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2009. – 285 с.

Структура вьющегося орнамента:

- а. завитки «вправо – влево»;
- б. ведущая линия – синусоида;
- в. синусоида с обратными завитками.

Примеры этого орнамента у разных народов:

Скифская пектораль из Толстой могилы (Северное Причерноморье, IV в. до н.э.)

Хохломская роспись «Травка», поставок (Ковернинский р-н Нижегородской обл.)

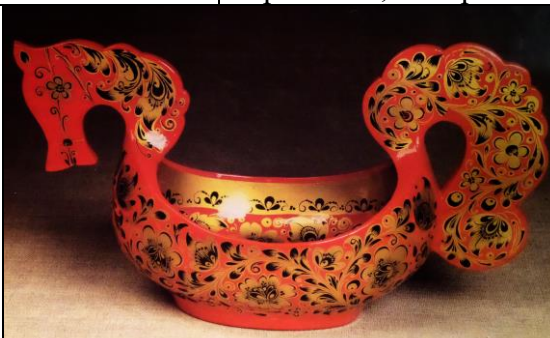
Пиалы, роспись по керамике (г. Риштан, Ферганская долина)

Гребешок, Северная чернь (г. Великий Устюг)

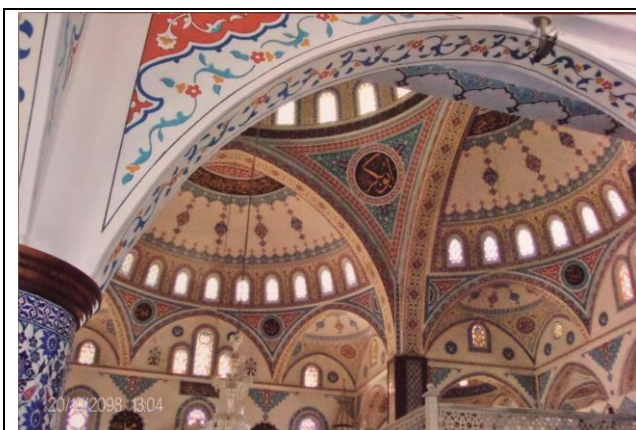
Тюбетейка с тамбурной вышивкой, войлок (Киргизия)

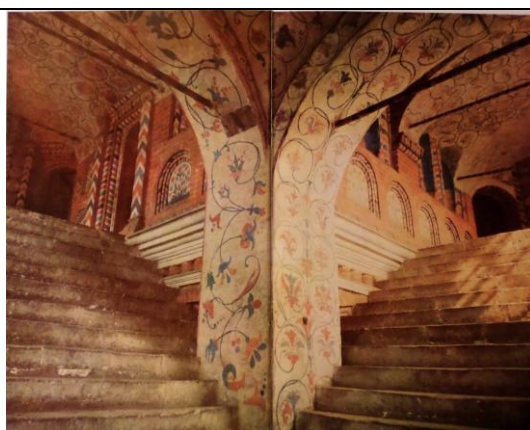
Хохломская роспись «Кудрина», ковш-конь (г. Семёнов Нижегородской обл.)

Чернь по серебру (с. Кубачи, Дагестан)

Внутри современной мечети (Турция)

Внутри Храма Василия Блаженного (г. Москва)